

ВНУТРИПСИХИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА В АНАЛИТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ТЕРРИТОРИИ КЛИЕНТА

М.В. ЛОМОВА

Ломова Мария Вадимовна — старший научный сотрудник Института психолого-педагогических проблем детства РАО, преподаватель Института практической психологии и психоанализа и Государственного академического университета гуманитарных наук, кандидат психологических наук. Член Международной ассоциации аналитической психологии (ИААР), член Российского общества аналитической психологии (РОАП).
Научные интересы — психология личности, консультирование, психотерапия.
Контакты: mvlomova@mail.ru

Резюме

В первой части статьи рассматривается одностороннее и двустороннее взаимодействие в пространстве взаимодействия пары аналитик—клиент. Обсуждается принадлежность психологической территории взаимодействия. Во второй части поднимаются вопросы позиционного неравенства и ответственности в диаде психотерапевт—клиент и его основания. Автор разделяет понятия позиционного и инструментального неравенства и их обоснованность с точки зрения аналитического процесса. Как следствие обсуждаются сильные и слабые места иерархизированного подхода. Ставится вопрос возможности и условиях равной ответственности терапевта и клиента на инструментальном уровне взаимоотношений. В заключение предлагается схема, которая может быть спроецирована на терапевтические отношения. Условная матрица представлена в виде двух осей: динамической и структурной, которые рассматривают отношения двух людей в качестве перекрестков от младенчества до старости и от уровня «организм» до уровня «человек». Такая схема позволяет наметить новые пути исследований в аналитической психологии и конкретные направления и формы использования вариативных подходов в практике.

Ключевые слова: *одностороннее и двустороннее взаимодействие, пространства взаимодействия, территория клиента, сессинг, позиционное неравенство и позиционная ответственность, инструментальные неравенство и ответственность, априорная ответственность, динамическая и структурная оси.*

**Взаимодействие на территории
клиента: парадоксы
психотерапии — властные
полномочия и мнимые величины**

Рассмотрим взаимодействие внутрипсихических пространств обоих участников аналитической пары. Остановимся на взаимодействии двух, а не более участников в аналитическом или психотерапевтическом контакте.

Аналитическое взаимодействие представляет собой регулярные и долговременные отношения с определенно заданным сеттингом, т.е. ясно обозначенными временными, денежными и пространственными рамками, предметом договоренности двух взрослых людей. Сеттинг является устойчивым и более или менее неизменным. Изменения же договоренности превращаются из формы в содержание процесса с установлением новой устойчивой договоренности.

Что же касается диспозиции двух людей в пространстве (комнате), то по умолчанию в аналитическом контакте предполагается, что аналитик сохранит дистанцию и пространственное расположение по отношению к клиенту, не меняя в инициативном порядке установившуюся «норму». Все происходящие изменения, объективные и субъективные, планируемые сознательно и ненамеренные, как и отыгрышания, становятся предметом аналитического обсуждения.

В других направлениях психотерапии возможны варианты взаимодействия с точки зрения как изменения договоренностей, так и расположения в пространстве, но часто без

рефлексии происходящих изменений. Анализ диспозиций чаще учитывает ситуацию здесь-и-теперь, не связывая ее с прошлым опытом жизни и не опираясь на пролонгированные и текущие переносно-контрпереносные реакции.

Взаимодействие в аналитической паре с точки зрения физических внешних аспектов пространства встречи происходит на территории аналитика, в его «доме», а с точки зрения взаимодействия интрапсихических пространств все наоборот. Тут взаимодействие происходит на территории клиента. Поясним.

Взаимодействие интрапсихических пространств аналитика и клиента в аналитическом контакте предполагает максимальное раскрытие внутреннего мира клиента с его сознательными и бессознательными содержаниями, аспектов личной психологической истории, разных сторон личной жизни, их последующего аналитического исследования и проработки. Напротив, со стороны аналитика — это сознательное удержание, «закрытость» для клиента содержаний своей психики, личной жизни и собственной психологической истории. Т.е. аналитик «приглашается» на личную внутрипсихическую территорию клиента, где и будет происходить взаимодействие. Аналитик как бы оказывается «внутри» психики клиента.

Такая диспозиция изначально обоснована самой ситуацией. Страдающий человек приходит за психологической помощью к аналитику и ожидает внимания именно к себе, своим жизненным трудностям и своей душе. Предполагается, что аналитик будет уделять внимание именно

внутреннему миру данного человека, а не себе. Изначально, это не паритетный, с этой точки зрения, диалог.

Такое изначально «неравенство» обусловлено самой профессиональной ситуацией и установкой профессии на помощь человеку, сходной в этом с профессией врача. Существует еще один аспект неравных диспозиций — это, прежде всего, неравенство ответственностей, которое усиливается спецификой психотерапевтического вида деятельности. В основном, мы имеем в виду длительную психотерапевтическую поддержку. В первую очередь, это принято в психоаналитической и аналитической методологиях.

Что это за разница ответственностей? Как распределяется ответственность между участниками? Отвечает ли за все происходящее один психотерапевт? Или ответственность полностью на клиенте? Или, может, вообще нет никакой ответственности и вместе с ней никакой гарантии, или она в равной степени разделена между участниками? Начнем с того, что психотерапевт в качестве своего вклада в процесс психотерапии принимает на себя ответственность за свою компетентность, адекватное знание теорий и методов, свою физическую и психическую форму, хорошее знание своих ограничений, честную профессиональную работу.

Клиент, в свою очередь, также несет ответственность за собственный вклад в этот процесс в виде мотивированности и готовности к честной психологической работе над собой. В аналитической традиции главной ответственностью клиента является обеспечение со своей стороны договоренностей по оплате,

прихода вовремя и ухода без задержек.

Но кто отвечает за сам процесс психотерапии? Ответ не так очевиден. Вариант равносторонней ответственности, возможно, предпочтительней. Аналогия с оперирующим хирургом, безусловно отвечающим за выполнение операции, в отличие от пациента, может показаться чрезмерной, но в случае аналитической психотерапии ответственность за процесс должна ложиться именно на плечи терапевта. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» — это не должно быть напрямую сказано о психотерапии.

В этом и заключается суть существующей иерархии позиций. Ответственность за процесс может означать, что терапевт принимает на себя «априорную» ответственность, как бы «ответственность заранее», в том числе и за непредсказуемые последствия и непредрешенные исходы. Т.е. терапевт берет на себя обязательства принимать профессиональное деятельное участие не только в исправлении незначительных неизбежных промахов или серьезных ошибок, но и, образно говоря, в «ликвидации последствий» от неожиданных ситуаций, событий и происшествий внутри психотерапевтического процесса, с ним связанного.

Это крайне существенная часть неравенства позиций. В большей мере именно она может прояснить, пояснить и дать ясные обоснования существованию позиционного неравенства и положений этических кодексов, существующих во всех психотерапевтических школах.

Поскольку изначально ситуация для психотерапевтов различных

направлений не различается, такие ответы и вопросы могут быть адресованы ко всем направлениям и школам психологической практики.

Однако специфика аналитической позиции и аналитической методологии усиливает неравенство позиций, поскольку широко работает с бессознательным материалом в рамках модели «родитель—дитя». В юнгианстве существует три основных подхода, принадлежащих разным веткам — школе развития, работающей в указанной модели, классической, ориентированной на работу с «Самостью», и архетипической школе, использующей метод работы с символическим материалом иногда в рамках «детско-родительских» отношений и учета переносно-контрпереносных реакций, но в целом реже принимая во внимание индивидуальные взаимовлияния и развитие отношений вообще.

С точки зрения К.Г. Юнга, в психотерапии задействуются самые глубокие архетипические слои психики, с обоюдным сознательным и бессознательным вовлечением двух участников и их последующей взаимной трансформацией.

Здесь и кроется главное противоречие и предмет многочисленных споров и дискуссий: взаимная трансформация или изменения только одного участника. «Юнгианский» подход в целом оставляет за рамками процесса нюансы многогранных отношений человека с миром в пользу работы с символами и воображением или «детско-родительской» моделью. Это дает возможность свободно течь бессознательному процессу человеческих взаимоотношений, что может легко проводить к

слиянию аналитической позиции и личности терапевта. Что, в свою очередь, ведет к образованию крайне запутанных сложных взаимоотношений, одним из самых ярких примеров чему являются взаимоотношения К.Г. Юнга с его первой пациенткой и позднее выдающимся аналитиком С. Шпильрейн, взаимоотношения К.Г. Юнга с его пациенткой и ученицей Т. Вульф и ученика со своим учителем и, как мы сейчас сказали бы, первым супервизором З. Фрейдом.

Поскольку аналитическим обоснованием высокой степени сознательной закрытости психотерапевта является теоретическое положение, основанное на психоаналитических и аналитических идеях и концепциях бессознательных проекций и переноса содержания психики клиента на в большей или меньшей степени нейтральный «пустой экран» аналитика, имеющий, тем не менее, «крючки» для проекций клиента, эта концепция остается наиболее властной в аналитическом подходе, особенно в школе развития еще со времен З. Фрейда. Т.е., с точки зрения влиятельнейшей школы развития в аналитической психологии, все дело в переносе.

Действительно, моделирующая диспозиция «дитя—родитель» дает возможность спроецировать бессознательные содержания психики и экстерниоризировать психические образы себя и происходящего в аналитический «сосуд» в своей «исторической» ретроспективе, вынести их в аналитическое пространство, хорошо для этого подготовленное как структурированным сеттингом, так и аналитическим «теменосом». Позиция аналитика, с нашей точки зрения,

является главной составляющей этого процесса. Аналитик при этом оказывается непосредственным действующим лицом, участником, находящимся во внутриспсихическом «мире» клиента.

«Действие» также происходит и на внутренней территории аналитика, в его внутриспсихическом пространстве. Аналитик вбирает «в себя» содержания психики клиента и взаимодействует с ними внутри своей собственной психики, но эта часть взаимодействия остается скрытой для клиента. «Видимая» клиенту часть заключается в том, что аналитик доводит до клиента истолкованное и «переваренное» содержание его психического материала обратно в форме откликов и интерпретаций. При этом психотерапевт опирается на собственную способность к эмпатии, на понимание психических процессов, анализ переноса и контрпереноса и знание психоаналитических или аналитических теорий, а также широко задействует мифологический и символический материал, амплифицируя с его помощью происходящее в душе клиента. Аналитик использует свою психику и свои личностные аспекты, свой опыт как инструмент, орудие для переработки материала клиента, но не напрямую, а как бы в преломлении через аналитическую позицию.

Клиент в итоге получает от аналитика назад свои же собственные «содержания» в иной форме, которая позволяет ему «усвоить» полученную психологическую «пищу» как более приемлемую и более адаптированную к его «психическому желудку». При посредстве более целостного видения аналитика, вооруженного

теориями, происходит «восполнение прорех» в развитии клиента, переработка психических травм, нарушений в процессе становления личности и расширение и укрепление доли эго-сознания, своего рода «доразрашивание» психики.

Поскольку взаимодействие происходит на внутренней территории клиента, то его пространство автоматически включает в себя этого другого, заключенного в оболочку проективной фигуры.

Образно говоря, некая фигура, облаченная в психическую одежду, сотканную из смеси проекций и впечатлений клиента от аналитика, скрывающая его реальное «психическое тело», начинает свое «призрачное» существование в душе клиента. Раскрытие психолого-биографических фактов жизни аналитика «нежелательно» по определению, но это усиливает нереальность образа терапевта.

Проекции клиента, с нашей точки зрения, в этом случае сильнее слипаются в его собственной психике с внутренним «образом» аналитика, вследствие изначальной установки клиента по отношению к терапевту и терапевта по отношению к клиенту. Для последнего терапевт изначально — и типично, и парадоксально одновременно — авторитетная помогающая фигура, о ком отсутствует порой даже минимальная информация. Для терапевта же клиент — «страдающий», по необходимости доверяющий и более-менее готовый к самораскрытию. Эта первоначальная ситуация закладывает основу для образования сложного, апеллирующего к инфантильным, а то и архетипическим слоям психики

интроекта, облеченного властью во внутреннем мире клиента. В начале аналитического процесса это является мощным терапевтическим фактором, однако в дальнейшем порождает в ходе терапии «невроз переноса». А его лечение становится следующей особой задачей.

Известный аналитик А. Гюгенбюль-Крейг исследует в своей работе архетип власти. Однако истоки влияния «архетипа власти» он видит в коллективном бессознательном человечества, призывая коллег-психотерапевтов быть особо внимательными к его проявлениям в своей практической деятельности (Гюгенбюль-Крейг, 1997). На наш взгляд, существуют и более «приземленные» механизмы появления этого «архетипа» в локальном пространстве аналитического кабинета. И большая ясность причин их возникновения и проявлений может помочь найти более конкретные противоядия этим безусловно общечеловеческим явлениям.

Чаще всего клиентов не интересуют «подноготная» аналитика, его жизненные проблемы и переживания, особенно на первом этапе сотрудничества. Клиента волнует то, как аналитик обращается с ним самим. Однако отсутствие минимальной информации о психотерапевте — его возрасте, опыте работы, семейном статусе — может снижать готовность к доверительным отношениям и привносить дополнительную тревогу, продиктованную излишней «секретностью», с точки зрения обыденного сознания. Проявление же истинного интереса к другому человеческому существу — аналитику — со стороны клиента

могло бы стать вообще отдельной темой анализа внутри психотерапевтического союза. «Любопытство» же, выражаемое в виде вопросов о личной жизни аналитика, его истории, его человеческом опыте или взглядах в отношении тех или иных вопросов, возникает в моменты «накладок» в психотерапевтическом процессе, внутри которых часто, но не всегда кроются трудные для клиента переживания и чувства: тревога, зависть, отчаяние, безнадежность, злость и т.д. Реальные и мнимые ошибки интерпретации в пользу проекций образов прошлого могут быть спровоцированы порой черезчур искаженной проекцией клиента, разворачивающимся «театром в его голове», но также и эмпатическими неточностями и слепотой психотерапевта и его контрпроекциями.

При том, что клиентов чаще не интересуют собственные мысли и чувства аналитика, никак не связанные с ними, любимыми, такое полное одностороннее самораскрытие создаст уникальную в своей специфичности ситуацию, сравнимую, разве что, с практикой исповеди и духовного наставничества. То, что психотерапия иногда претендует на то, чтобы занять именно эту нишу, часто не имея под собой духовных основ, тоже совершенно отдельная тема, здесь не обсуждаемая.

Специфичность психотерапевтической ситуации заключается в том, что аналитик в одностороннем порядке получает ни с чем не сравнимый опыт проникновения во внутренний мир другого человека, а клиент — парадоксальное переживание односторонней близости при почти полной закрытости терапевта,

сравнимое с семейным опытом, но ему не эквивалентное по причине частичной «мнимости» этой близости. Двухсторонняя душевная зрелая близость оказывается при таких условиях невозможной. Тогда под сомнением оказываются как реальность подлинно человеческого в этой весьма специфической близости, так и глубокое знание внутреннего мира клиента терапевтом.

Психотерапевтические отношения — это особый вид очень личных отношений, при этом не являющихся реальными взаимоотношениями (впрочем, этот вопрос широко дискутируется последние десятилетия) (Шварц-Салант, 2008). Реальность ставится под сомнение отсутствием самого акцента «взаимо»-отношения. Знание и близость становятся антагонистами. И это совсем не толстовское «я не знал ее, потому что любил ее». Это «ты узнал меня с одной из сторон, потому что ты никогда не сможешь узнать меня по-настоящему в равнозначном диалоге; я буду страдать от этого, но эта иллюзия защитит меня от реальности». Возможно, это один из пессимистических вариантов ответа на вопрос из вопросов о роли психотерапии в жизни современных людей.

**Аналитический метод —
неравенство позиций как
инструмент. Психотерапия как
изменяющийся процесс и метод
изменения**

Мы указали на одну сторону неравенства позиций. Другая заключена в самом аналитическом методе. В модели «родитель—дитя» неравенство позиций становится инструмен-

том (инструментальное неравенство) — это условие для регрессии клиента, оживления и проявления его «детских» проекций на терапевта и того, что терапевт «примет» эти проекции. Как терапевты мы могли бы использовать диспозицию «родитель—дитя» как более управляемый метод искусного овладения механизмами этого универсального общечеловеческого феномена — переноса, поддерживая при этом существующий в психотерапии запрет на использование данного явления в собственных эгоистических целях, например в качестве инструмента проявления иерархических властных полномочий или, попросту говоря, власти.

Разграничив ответственность на позиционную и инструментальную, можно избежать часто возникающей путаницы на «пограничных рубежах» аналитического процесса. Инструментальное неравенство, являясь всего лишь психологическим инструментом обнаружения и работы с «материалом переноса», изначально содержит в себе и субъекта, того, кто этим инструментом пользуется. И здесь неизбежна *субъективность*. В этом смысле позиции могут быть уравниены. Процессы проецирования, интроецирования, идентификаций — процессы взаимные, и «я в своих собственных глазах» далеко не всегда тождественно тому, «каким меня видят другие».

Собственно, само наличие неравенства ответственностей, ни позиционной, ни методологической (инструментальной), не может являться основанием человеческого неравенства как внутри психотерапевтического пространства, так и за его пределами.

Задачи исследования проекций и трудности в «отделении зерен от плевел» аналитическая психология решает с помощью определенного набора методов и приемов: установления определенного сеттинга, избегания смещения ролевых позиций и максимальной недоступностью информации из жизни аналитика, который может затуманить и запутать понимание бессознательных процессов и их содержания у клиента. Это дискуссионные темы, особенно в современной аналитической психологии. С нашей же точки зрения, в этих положениях продолжает присутствовать отголосок односторонней позиции — «одна психика в комнате», по меткому определению одного из известных аналитиков современности М. Стайна (Стайн, 2009, 2010).

Установление сеттинга по существу — главный гарант психологической безопасности клиента в аналитической психологии. Но даже полностью правомерная и обоснованная позиция аналитика поддержки устойчивости и твердости границ сеттинга, при чрезмерном увлечении его формальной стороной, может лишить метод его главной функции.

Размышления о характере влияния ситуации «двойного» неравенства на процесс продолжают возникать и углубляться. Есть необходимость в прояснении аналитической позиции с лежащими в ее основе культурными, психологическими и социальными установками и их глубокими корнями. Вопросы неизбежны и очевидны.

Например, сохраняется ли неравенство «инструментальных» пози-

ций на всем протяжении психотерапевтического процесса: на входе и на выходе из него? Оправдана ли «инструментальная» часть неравенства во всех ситуациях и на всем периоде сотрудничества? Возможен ли противовес изначальному неравенству с клиентом и нужен ли он? Каким образом сама ситуация неравенства будет влиять на клиента и на терапевта в кратковременном и длительном контакте, какие составляющие будут активизироваться автоматически?

Каковы пределы гибкости и подвижности, жесткости и ригидности границ сеттинга, границ между разными ролями и позициями, между аналитической позицией и личностью аналитика, его человеческой составляющей? В какой степени можно прогнозировать «теневые» по отношению к самому процессу типичные эффекты этой ситуации? Возможны ли изменения в этом вопросе и нужны ли они? Всегда ли оправдано консервирование «инструментального» неравенства и позиционного неравенства? Возможна ли ситуация равнозначных инструментальных ответственностей? Какова степень осознанности в этом вопросе?

Вопросов довольно много, и сама их постановка не случайна. К настоящему времени в аналитической традиции проблема обозначена. Но конкретные практические решения чаще отталкиваются от принятых нормативов, этических кодексов и вращаются вокруг тонкостей переноса/контрпереноса и нюансов бессознательного отыгрывания клиента и/или контрпереносного отыгрывания аналитика, иначе говоря, отыгрывания исключительно под влиянием

бессознательной части психики клиента. Т.е. основания: лежащие на поверхности и скрытые индивидуальные, культурно-социальные нормы, установки и традиции, общечеловеческие и, возможно, универсальные истоки самих нормативов — не обсуждаются. Не обсуждаются также установки самих аналитиков и совершенно конкретные и буквальные, отражающие их способы взаимодействия (от невербальных до языковых).

Давайте посмотрим на аналитический метод, слегка расширив поле зрения и попробовав учесть некоторые направления поставленных вопросов, которые могут помочь нам в большей степени осветить «теневые», скрытые и не учитываемые стороны аналитического процесса. Какие дилеммы могут быть обозначены в ходе этого рассмотрения?

Развернем вопросы, располагая их по двум осям. За горизонтальную ось примем линию: «младенчество — детство — отрочество — юность (ранняя молодость) — зрелость (и старость)». А в качестве вертикальной оси можно предложить категориальный взгляд на человека «организм — индивид — Я — личность — человек» (Петровский А.В., Петровский В.А., 2000). Можно было бы дополнить эту категориальную линию «ролевыми позициями» — мать и отец — экзистенциями любого человеческого существа. Даже у сироты их «отсутствие» обозначено и обычно «занято» замещающими фигурами.

На протяжении всей жизни начиная с пре- и постнатального периодов происходит постепенное отделение человека от конкретных матери и отца и сепарация от внутриспсихи-

ческих материнского и отцовского образов, или, по-другому, их «имаго». Но так или иначе, чаще сначала диада, а потом триада будет сопровождать человека в виде изменяющихся внутренних образов, по существу, всю жизнь.

Можно условно построить матрицу, задав двумя осями «координаты изображения». Тогда начало человеческого развития — младенчество — совпадет с первой категорией рассмотрения — «организм». Детство совпадет с категорией «индивид» (но также будет включать в себя и предыдущий перекрест). Отрочество совпадет с категорией «Я» (включая предыдущие). Юность (ранняя молодость) — с категорией «личность», как и начальный период зрелости. И зрелость (и старость) — с категорией «человек» (включая в себя полную матрицу).

Если рассматривать ситуацию взаимодействия аналитика (психотерапевта) и клиента, наложив эту условную матрицу, у нас получится, что взаимодействуют два взрослых человека, внутри которых живет их собственный опыт младенчества, детства, отрочества, юности (ранней молодости) и зрелости (старости), в психике которых с необходимостью встроены «имаго» матери и отца, прототипы будущих социальных взаимоотношений. Также мы видим, что взаимодействуют два человека, внутри которых взаимодействуют и пласты организм—организм, индивид—индивид, мое Я—другое Я, личность—личность и человек—человек.

Давайте чуть детальнее посмотрим на вторую категориальную ось.

I. Взаимодействуют два организма. В последнее одно-два десятиле-

тия были проведены исследования в нейробиологии и сделаны открытия о существовании и функции зеркальных нейронов (Rizzolatti et al., 1996), что проливает свет на способность человека к сопереживанию и пониманию действий другого посредством внутреннего проигрывания, запускаемого этими нейронами. Было показано, что зеркальные нейроны как у животных, так и у человека активизируются зеркальным образом не только при повторении действий другого, но и при одном лишь наблюдении за ним. Такое «отзеркаливание и считывание» информации с другого на биологическом уровне доступно высшим животным и человеку.

Это значит, что в психотерапевтическом контакте не только аналитик «зеркалит» клиента на нейронном уровне, но и клиент в точно такой же равной степени «зеркалит» аналитика. Т.е. на биологическом уровне разницы во взаимодействии и взаимовлиянии позиций нет.

Но будет ли разница во взаимодействии «человек—человек» по отношению к уровню «организм—организм» и разницы степеней сознательно предъявленной включенности этих уровней в пространство взаимодействия? Вероятно, возможны вариации, хотя для зеркальных нейронов «включение» полное и оба человека полностью друг другу «открыты». Т.е. на бессознательном уровне такой разницы не будет. А появится она в системах восприятия и самовосприятия, интерпретации и на уровне трансляции и сознательного поведения.

Как избежать искажения отражений в зеркале, которые могут подо-

рвать, а не укрепить чувство реальности клиента и его доверие самому себе? Как отличить сложившиеся косные ошибочные паттерны в картине мира участников взаимодействия от уникальных особенностей мировосприятия обоих?

Однозначная установка на открытое исследование исключительно процессов клиента вносит серьезные ограничения в процесс взаимодействия участников и, как любое явление, имеет две стороны. Пока мы в большей степени отметили его позитивные аспекты.

Посмотрим, как может работать сама по себе такая установка.

Простая ситуация: аналитик сидит, скрестив на груди руки, его брови сдвинуты, губы сжаты. Клиент предполагает, что аналитик готов атаковать или защищаться, и спрашивает, лишь предполагая: «Вы сердитесь?» Как установка аналитика будет влиять на его ответ в данном случае? Из аналитической позиции терапевт может спросить, например: «А что вы чувствуете, когда предполагаете, что я сержусь? Или как это вам? Что для вас значит думать, что я сержусь?» Задача аналитика в аналитической позиции — развернуть клиента на него самого.

Давайте присмотримся к этой ситуации повнимательнее. Что может остаться за кадром возможной рефлексии и анализа? Какие скрытые сообщения может нести подобный отклик аналитика?

Например, клиент может почувствовать, что ему неприятно (страшно, досадно, радостно, его раздражает, злит), когда аналитик сердится (если клиент расценил сам вопрос терапевта как скрытое подтверждение

«правоты» своего эмоционального понимания). Но в то же время клиент оказывается и внутри культурного контекста, где отвечать вопросом на вопрос, к примеру, не принято. Поэтому он может как уйти от ответа, так и открыто сообщить о возникших чувствах, не указывая причин, которые лежат, главным образом, в культурной традиции, а не во внутренней психологической реальности и не во взаимодействии.

Вследствие этого клиент может про себя подумать, что впредь он постарается не злить аналитика (потому что испугался) или, наоборот, спровоцировать на более сильные эмоции («из вредности») или постарается больше не обращать внимание на эмоциональное выражение аналитика, потому что ему «наплевать». Или он может удивиться, потому что он как будто бы ошибся в эмоциональном считывании, так как аналитик сходу «не признался» в том, что сердит. Или клиент может посчитать, что терапевт «вообще человек раздражительный» и т.д.

Даже из этих нескольких вариаций понятно, что дальнейшие бессознательные и сознательные развороты будут разными.

В аналитической позиции чаще и практически вне зависимости от реакции клиента терапевт не будет «выяснять отношения» напрямую, а будет разворачивать ситуацию «на клиента», стимулируя его способность к рефлексии и анализу. Как правило, ниточка потянется к его семейной истории и характеру его проекции на аналитика.

Подспудно влияющими на процесс оказываются «скрытые» сооб-

щения, которые «получает» клиент от аналитика, чьи корни могут лежать в социокультурном контексте, которые могут оказаться неоднозначно ошибочны и «паранояльны» с этой точки зрения. Клиент может «прочесть» и скопировать, например, образец избегания партнером прямого эмоционального контакта, вплоть до страха близости, с различными подтекстами (у «них» так принято, аналитик боится, хочет внести путаницу, ловит на ошибке восприятия); разные варианты сомнений в правильности собственного видения, интерпретации и оценке ситуации; указание на то, кто здесь «главный» и кому принадлежит право задавать вопросы.

Клиент может (сделав ошибочный вывод) уловить сообщение о том, что только его чувства заслуживают внимания и важны для лечения, и, как следствие, бессознательно принять модель игнорирования части опыта. Конечно, смысл «скрытых посланий», который уловит клиент, будет во многом зависеть от его особенностей, неизбежно связанных в том числе с принятыми нормами общения в его семье и окружении.

Этот процесс может быть исследован и осмыслен с вытекающими из этого «рекомендациями» по конкретным формам контакта.

Сейчас же нас пока больше интересует подспудное влияние именно аналитической позиции.

Что и как изменится, например, при еще одном или неоднократном повторе подобной ситуации, если клиент взял на себя труд и уже глубоко отрефлексировал особенности своей реакции (что он чувствует, если аналитик «сердится», и что

проецирует, исходя из своей семейной истории, каковы его скрытые эмоциональные комплексы и привычные паттерны поведения), а аналитик вновь и вновь продолжает «уходить» от ответа?

Как правило, аналитическая позиция предусматривает устойчивость и неизменность. Можно предположить, что постоянный выбор «поворота на клиента» или иначе в пользу его рефлексии и анализа в качестве прямого следствия поставит под угрозу как минимум открытый эмоциональный контакт или его качество. Но может также автоматически начать провоцировать «борьбу за власть», подрывать доверие клиента либо по отношению к аналитику, либо к самому себе, косвенно «обучая» игнорировать части опыта и реальности. Все эти возможные составляющие коснутся в большей степени объема эмоциональной ткани — дерева переживания.

Как правило, аналитическая позиция сама по себе резко ограничивает ответы аналитика на прямые вопросы клиента, зачерпывая запретом большой пласт психологических, биографических и культурных областей. Этот барьер «закрытости», таким образом, рискует превратиться не в еще один дополнительный ювелирный инструмент в искусных руках, а в формальный дистанцирующий прием.

Внутри аналитической позиции всегда находится конкретная личность со своим собственным складом характера и личностными границами.

У открытого, эмоционально подвижного, доверяющего, теплого, демократичного человека будет иное качество и настройка профессио-

нальных границ, чем у закрытого, холодного, подозрительного, высокомерного и косного.

Помимо личностных черт, влиять также будут общность или различие культур и динамика межличностных отношений с каждым конкретным клиентом. Внутренне недостаточно обоснованная профессионально и лично формальная граница отсекает нюансы взаимодействия и его изменения во времени и пространстве.

С нашей точки зрения, не обоснованная лично (что важно!) и не соотношенная с профессиональной граница вносит ограничения в процесс взаимодействия клиента с реальностью.

Заложенное в методе жесткое ограничение на прямое подтверждение эмоциональных впечатлений клиента от аналитика и невозможность «перевода» телесного бессознательного «знания» на уровень сознания поддерживают диссоциативные процессы между сознанием и бессознательным у обоих. «Угадываемая» клиентом информация об аналитике остается в сфере его фантазии, иногда озвучиваемой, а иногда разрастающейся в «его голове» и всегда сохраняющей качество неопределенности, даже если она становится устойчивым «фактом», но не признанным и не опровергнутым аналитиком открыто. Благодаря этому фантазия может инкапсулироваться на длительное время.

Эта специфика может стать причиной непредсказуемых и в дальнейшем неверно интерпретируемых сдвигов в переносно-контрпереносных реакциях и провоцировать возникновение «барьеров» во взаимодействии. Аналитик, занимающий

ригидную, но неустойчивую и лично не обоснованную позицию, а потому диссоциированную с профессиональной в этом отношении, например, придерживающийся неизменной жесткой дистанции, крайне и необоснованно непоследовательной позиции или чрезмерно и «необъяснимо» мягкой, рискует в дальнейшем сделать барьеры непреодолимыми, провоцируя «дурную бесконечность» искажений.

Внезапная и ясно не артикулированная смена позиций, т.е. «необъяснимая» непоследовательность в изменениях границ и рамок, носящая в каком-то смысле характер произвола, закладывает «мину» замедленного действия во взаимоотношения, обуславливая ряд логически вытекающих, но совсем не очевидных и не обсуждаемых в литературе последствий.

Незамеченные изменения рамок «в пользу» клиента могут вызывать у последнего внутренние интерпретации выданного аналитиком «кредита доверия» и, соответственно, своей особенности, значимости, любимости аналитиком. Возможно усиление позитивного переноса с проявлениями подлинной признательности и благодарности. Но также возможна провокация разрушения «деловых отношений» и в качестве ответной реакции попытка перевода их в дружеское, а иногда и эротическое русло. Возможен и «сдвиг» к раздуванию нарциссической части эго и инфляции или, напротив, позитивному ощущению своей ценности и значимости при ее прежней недостаточности и усилении эго-сознания.

Противоположное нарушение рамок аналитиком, например усиление

жесткости позиции на каком-то этапе или в какой-то момент, смена места приема, например с гостиной в квартире на кабинет в офисе, резкий и незапланированный подъем оплаты, сокращение времени сессии, увеличение дистанции в отношениях, нечестность по отношению к своим ошибкам и т.д., может внутренне расцениваться клиентом как разрушение безопасности, отвержение, несправедливое лишение, предательство с последующими интерпретациями причин, локализованных чаще всего либо внутри себя, либо в терапевте. Таким образом, автоматически провоцируется негативный перенос. А на уровне сознания появляются обоснованные обида и гнев, требующие человеческого разрешения.

Принимая во внимание ситуации, когда проективная заряженность восприятия очевидна и «театр в голове» клиента серьезно искажает действительность, заставляя страдать себя и/или других, настойчивая и твердая позиция аналитика, развенчивающая иллюзии и ошибочные «приписывания» терапевту, несомненно, важна.

Однако в сложных и запутанных случаях, смешанных, неопределенных, «полевых» процессах (проективная идентификация, слияние и т.д.) игнорирование, замутнение аналитиком «правильного» восприятия клиента или «железная» правота терапевта, не признающая возможности иного взгляда и толкования «ситуации взаимодействия в совместном поле» и оценки действий и личности аналитика, двухсторонне вредят процессу: с одной стороны, выбивают «почву из-под ног» клиента в

его опоре на собственную способность, например, интуитивно «верно» постигать, конгруэнтно чувствовать или же рационально просчитывать «реальность», с другой — определенно ставят под сомнение не только знание аналитиком собственных ограничений, его способности выдерживать неизвестность, неопределенность, весь спектр человеческих чувств и эмоций, интерес по отношению к иному, неожиданному и новому, но и его компетентность в целом.

У клиента, как и у аналитика, всегда присутствует более-менее адекватно развитая способность «читать» эмоции другого человека (на основе точно «работающих» зеркальных нейронов) и внутреннее мерило «субъективного соответствия» реальности своему образу и оценке, так или иначе согласующееся с его внутренней картиной мира и так или иначе согласующееся с восприятиями других людей, находящимися в его окружении. (Особые случаи составляют клиенты психотической и пограничной личностной организации с большим удельным весом этой части в структуре личности; клиенты, переживающие «катастрофические» эмоции, невыносимую боль; люди, находящиеся в тяжелом кризисном, аффективном, остром состоянии; психотическом или околопсихотическом «статусе» непосредственно на сессии или какой-то период времени.)

Но и в этих случаях тотальное отвержение их гиперболизированной «нереальной» реальности и любое игнорирование элементов «здорового смысла» неизбежным следствием будут иметь фиксацию

искажений. А могут даже спровоцировать, а не только подкрепить «шизофреническое» расхождение во внутреннем мире клиента. Т.е. возникнет прямо противоположный «ожидаемому» эффект, серьезно углубляющий состояние («психотизация» вместо «нормализации»).

II. На уровне взаимодействия «индивид—индивид» описанные выше «подводные камни» могут усиливать тенденцию к бессознательному слиянию (Шварц-Салант, 2008) или симбиотической форме контакта. Запрет на обнаружение как субъектности, так и бессознательных действий аналитика клиентом на уровне «эго-сознания», в том числе и в вопросах установления границ, консервирует проективный материал или его вытесненную в «тень» процесса часть. Это может спровоцировать «разгул» бессознательных процессов в их недифференцированности и сместить их в сторону, противоположную от движения к более тонким и глубоким процессам различения, мешая синтетическим процессам и интеграции.

Постоянные на протяжении продолжительного периода времени границы сеттинга, пространственных диспозиций, «иерархическое неравноправие» могут парадоксально сдвинуть баланс переработки интерпсихического содержимого и создания психических репрезентаций взаимодействия с Другим с увеличения доли сознаваемого и понятного во взаимоотношениях в сторону сознательной диссоциации, размывания или расщепления, выталкивая часть психического за рамки аналитического процесса или «погружая» обратно в бессознательное.

III. При этом такое зависание или «инкапсулирование» материала в бессознательном может усилить и его заряженность в проективной функции, что на уровне «Я» скорее будет связано с ослаблением идентичности и ролевой фиксацией, чем с ее обогащением и гибкостью, замедляя процессы развития и вряд ли способствуя усилению осознания. Влияние этой установки на способность к центрации/децентрации и ее мотивированность могут качнуть процессы в сторону нарциссической «эгоцентрации» клиента с усилением ряда защитных механизмов, например идеализации/обесценивания, и тем самым ослабить стремление к развитию способности к децентрации и чувствительности по отношению к другому. А это при замедлении процессов укрепления идентичности, в свою очередь, усиливает такие защитные механизмы, как проективная идентификация.

IV. На следующем уровне — уровне личности — это создает трудности в актуализации и проявлении разных сторон личности и ее сути. Выявление черт характера, личностных особенностей, типологической принадлежности, уникальной личностной конфигурации и т.д. может оказаться за рамками процесса. Одна личность вообще может обнаружить себя и встретиться лицом к лицу только с другой личностью. Личность же аналитика оказывается в «зазеркалье» по определению.

В ситуации сильной и неизменной закамouflированности аналитика смесью проекций клиента с его собственным поставленным под сомнение восприятием при условии высокой дистантности и неглубокой

степени эмпатии аналитика личности как таковые отступают «в тень». Вместо этого может быть интроецирована устойчивая, но застывшая «персона» аналитика, лишая психику клиента жизненных соков и внутренний образ «хорошего» объекта и его позитивной функции. Впрочем, тогда и само существование «хорошего», «живого» и «жизнестойкого» объекта в образе аналитика в психике клиента, а не плоского оттиска его персоны можно поставить под сомнение, что иногда может быть «видно» по характеру сновидений клиента.

«Неузнанные» проявления личности клиента могут не быть встречены вообще как авторские, сознательные, ресурсные, а из ролевой профессиональной позиции аналитика может оказаться отчетливо видна лишь его патологическая личностная организация.

Такое видение ставит ряд существенных вопросов о возможности и невозможности поддержания, проявления, трансформации и развития личности без дальнейшего углубления понимания «точек отсчета» и оснований в аналитической рамке.

V. На человеческом уровне острота данной ситуации может еще больше усиливаться. Полное незнание клиентом или существенное ограничение возможности знания, например, человеческих качеств аналитика может опять-таки отеснить в тень и оставить за рамками аналитического процесса целый пласт и личностной структуры клиента, а в крайнем варианте поставить под угрозу всю работу и достигнутые им изменения. Например, незнание ценностей другого, убеждений, установок,

«символов веры», конфессии, мировоззрения, ориентиров, в том числе этических, при невозможности получить ясное представление об этом, а не косвенно «вычислить» по характеру межличностного взаимодействия, со всеми возможными искажениями, сохранив по умолчанию внутри себя таким образом полученное «знание», загодя создает ограничения в работе с этой сферой, лишая аналитический процесс возможности работы с ценностями в качестве одного из инструментов психотерапии.

Это ограничивает свободу взаимодействия и развития отношений на уровне человек—человек, ставя под сомнение само это измерение. Оставаясь за спиной аналитического процесса, оно вводит ограничения на сознательное и осознаваемое проявление своей субъективности, обнаружение и развитие своей субъективности, доли намеренного и продуманного в действиях, степень «авторства» в терапевтическом процессе и в жизненных проявлениях как клиента, так аналитика. В действительности такая ситуация невозможна, поскольку это измерение постоянно и неизменно. Но сама психологическая установка на сохранение стерильности аналитической позиции и неизменности рамки без непрерывного осмысления «своего ролевого» и «своего личного» в динамике взаимодействия с намерением отеснить полностью человеческое в его многомерности или, если взять другую крайность, опасность склеивания личностного и позиционного вредят аналитическому процессу и ставят под угрозу основания самого метода.

Неожиданный вызов, который может быть брошен клиентом, пришедшим за помощью, аналитику как человеку, может сорвать одежды профессиональной позиции с терапевта и экзистенциально потребовать, «призвать к ответу» обнаженную человеческую суть аналитика. Это может оказаться острейшим моментом встречи двух неприкрытых в своей человеческой сущности людей. В таком случае возврат к прежней аналитической позиции с «широко закрытыми глазами» ударит по самой сути человеческих взаимоотношений, профанируя человека в присутствии профессионала.

В серьезной аналитической литературе эти вопросы, и в том числе возможность личных отношений в обыденном смысле после завершения психотерапии и их доле и специфике в ее процессе, не обсуждаются. Ситуации же установления глубоких обоюдно трансформирующих личных взаимоотношений «в процессе», «в параллели», «после», «вместо» терапевтических приобретают душок маргинальности и явного и публичного остракизма, особенно в случае возникновения подлинно дружеских или любовных отношений, часто составляющих ядро кулуарных сплетен, носящих однозначно осуждающий, преследующий или откровенно завистливый характер.

В действительности же существование психотерапевтической формы отношений в контексте человеческих отношений в целом ставит ряд экзистенциальных и философских проблем в рамках бытия человеком как для психотерапии как вида деятельности и особого рода личных отношений, так и для личностей

обоих участников психотерапевтической или аналитической пары.

Взаимодействие с другим, рассматриваемое по оси «организм — индивид — Я — личность — человек», предъявляет аналитику скрытые требования присутствия и возможности взаимодействия на каждом из уровней, их преемственности в душе самого аналитика.

Важен также вопрос и о степени «осведомленности» о самом себе как личности, о своих характерологических особенностях, слабостях, ограничениях и внутренней честности по отношению к своей собственной психической жизни. Однако когда речь идет о стандартах «проработанности» и о «реальной» осведомленности о себе, включая признание и хорошее понимание своих слабостей, недостатков, ограничений, точек роста, переходных пластов, то обнаруживается множество расхождений не только между разными школами, но и внутри одного направления.

Под «достаточно хорошей осознанностью» — общим положением для всех направлений психотерапии и важнейшим критерием начала собственной практики — понимаются разные вещи. В нашем случае это могут быть «достаточно хорошее» естественное владение и понимание аналитиком способов коммуникации на каждом из уровней от языка «младенца» до языка «интеллектуала» или «художника» в вербальных и невербальных конгруэнтных друг другу аспектах, доступность собственных пластов психики эго-сознанию («от рождения до старости» и «от нейробиологического до этического») и возможность быть резонирующим психическим инструментом

для каждого из соответствующих уровней клиента. На языке юнгианской психологии это могло бы соответствовать «достаточно хорошей простроенности оси взаимодействия эго с самостью». Важнейшей составляющей в этом «джентльменском наборе» является понимание и знание своих «больных мозолей», ограничений, «пробелов», «зон ближайшего развития» и главных опор — человеческих и профессиональных.

Эти вопросы касаются структур взаимодействия.

Сдвиги в «инструментальной» ответственности — управление процессом изменений

Есть вопросы, касающиеся больше процесса, нежели структуры психотерапии, происходящего регулярно на протяжении длительного периода времени в аналитическом контакте.

В качестве одного из частных вопросов мы бы задали такой: когда «снимается» проекция/проекция и у клиента «открываются глаза» на собственную «действительность» и «реальность» другого человека и он в большей степени (окончательное снятие проекций фактически не достижимо) начинает соприкасаться с реальностью, а не со своими проекциями, поменяется ли что-нибудь в характере межличностного взаимодействия? Управляем ли этот процесс изменений, например, с точки зрения открытости аналитика и сдвигов долей ответственности?

Один из основных аргументов, но не единственный, в пользу закрытости аналитика, однозначности и неизменности его ролевой позиции

заключается как раз в том, чтобы создать условия для выявления проективного материала клиента и его проработки.

Если достигаются изменения в этом отношении и клиент «забирает» часть проекций назад, логично было бы предположить, что следствием будет и изменение характера психотерапевтического контакта с точки зрения зарождения «реальных» отношений, в частности, и в вопросе открытости аналитика. (Говоря об открытости аналитика, мы вовсе не имеем в виду необходимость «выкладывать» доскональные биографические данные, медицинские сведения, интимные подробности, особенные личные факты и т.д.) Как правило, клиентам гораздо «интереснее» они сами. Но если на всем протяжении взаимодействия аналитика и клиента ничего не меняется, даже после снятия проекций или любой другой глубокой проработки бессознательного материала с точки зрения обнаружения и подтверждения субъективной реальности другого человека, то, во-первых, чувство реальности клиента дополнительно не может опереться на реальность аналитика и реальность взаимоотношений, собственная способность к оценке реальности подтачивается, фрустрируется сознающая сторона человека, его внутреннее «Я». Во-вторых, «в глубокой тени» могут оказываться проекции самого аналитика и его субъективное влияние как личности на характер взаимодействия. Причем «проекции самого аналитика» могут быть им отчасти осознаны в процессе супервизии (если она ведется), а вот личностное влияние, тем не менее, остается за кадром, поскольку

аналитический процесс не предполагает ни сознательного обнаружения, никаких специальных процедур, экспериментов и даже просто направленных наблюдений в этом направлении.

В длительной аналитической работе, несомненно, наступает момент «снятия» существенной части проекций и последовательного углубления в проработке бессознательного материала, и личностное влияние начинает приобретать больший вес на фоне потенциально очень глубоких, но односторонних и специфических личных взаимоотношений. Однако необходимого внимания к этому аспекту попросту нет.

Насколько осознанным, предсказуемым и управляемым может быть этот аспект в реальной практике? Какого рода изменения в характере межличностных отношений (с профессиональной и личной сторон) могли бы произойти в связи с декларируемым увеличением «доли» и «силы» эго-сознания, снятием проекций и изменением их характера в процессе терапии?

Может возникнуть законный вопрос: если изменение характера взаимодействия становится более «личным», но малоосознаваемым, то каким образом разделять взаимные проекции и своего рода «взаимотыгрывания» под воздействием проективной идентификации более глубокого уровня? Где провести грань и как установить баланс между этими составляющими? Где грань между удовлетворением личных потребностей аналитика, скажем, в профессиональной реализации, глубоком контакте, познании или сомнительной с точки зрения

границ профессионализма потребности в эмпатическом отклике и понимании клиентом аналитической обратной связи (интерпретации и т.д.) и подлинной заботой о росте другого и развитии взаимоотношений в сторону аутентичной близости на основании подлинной автономии и признании различий?

Вопрос серьезный и сталкивает аналитика лицом к лицу с его собственно человеческим, индивидуальным пониманием и этическим отношением к сути не только психотерапии, но и человеческого общения и человеческих взаимоотношений в целом.

На эти узловыe моменты в психотерапевтическом процессе можно посмотреть, фокусируясь на пространственно-временном динамическом факторе, определяющем степени и порядки постепенного принятия, прояснения и, затем, освобождения от проекций и интроекций в широком смысле, в их движении от архетипических форм жизни до «очеловеченных форм» реального восприятия. Тогда эти узловыe станции можно рассмотреть как возможности поворотов во взаимоотношениях. Аналитик может сознательно использовать эти естественные повороты для оценки происходящего и выбора «правильного» времени, когда в профессиональную рамку может быть включена личность аналитика в определяемых им пределах. Такая стратегическая линия психотерапевта может иметь своей целью усиление и расширение чувства реальности клиента, сглаживание как идеализаций, так и обесценивания, появление возможности выхода на другой уровень взаимодействия с

ним, иное качество интегративных процессов, задействование новых уровней контакта. Это высвоение «зоны ближайшего развития» двух личностей и их отношений на новом уровне. С усилением доли и силы сознания клиента и, соответственно, его доли ответственности, уязвимые точки самого терапевта могут становиться менее «опасными», и аналитик, опираясь на устойчивую и крепкую почву доли реальных взаимоотношений, может позволить себе пойти на больший «риск» в терапии. Это вопросы для размышления, которые могут быть адресованы аналитикам и психотерапевтам других направлений.

Аналитический или психотерапевтический способ взаимодействия, происходящий на территории клиента в течение регулярного длительного периода взаимодействия без существенных изменений в характере человеческих взаимоотношений, без возможности эквивалентного соприкосновения двух территорий и их взаимовлияния, приводит еще к одному очевидному и предсказуемому эффекту — именно клиент усваивает новый язык и новую согласованную систему мышления, а возможно, мировоззрение и способ жизни от аналитика или психотерапевта.

Это повторяет ситуацию детства, когда ребенок усваивает способы думать и чувствовать от родителей во многом на уровне автоматических моделей поведения, родительских предписаний, внушений, семейных или родовых сценариев.

Известно, что «забытые» семейные или родовые мифы и легенды, шаблоны, стереотипы и бессознательные паттерны, а также

«неизвестные» события и факты становятся самыми сильными бессознательно влияющими факторами. Аналитическая ситуация может быть «приравнена» в этом смысле к семейной. Она обладает теми же системными характеристиками и несет в себе те же подводные камни.

По сути, всю информацию об аналитике, его мировидении, истории и корнях можно рассмотреть в виде скрытого от сознания и понимания клиента «многоуровневого паттерна». В любом психотерапевтическом взаимодействии потенциально есть такое скрытое влияние, возможно, чаще всего недостаточно осмысленное и обоснованное аналитиком для самого себя. Усиливать такое влияние может и то, что аналитик сознательно и контролируемо не привносит в рабочий процесс содержания своей личности и жизни и «сырых» содержаний своей психики, независимых от взаимодействия с клиентом. Напротив, содержания его психики, субъективно опосредованные процессом взаимодействия с клиентом, проходя в его сознании «отборочный тур» на предмет выбора реакции в качестве соответствующего отклика, парадоксально могут расширять теньевую зону самого взаимодействия.

Таким образом, можно увидеть обратную, скрытую, теньевую сторону аналитического процесса.

Предварительным условием начала любого психотерапевтического контакта, которое, в частности, также обладает усиливающим внушающее воздействие эффектом, является условно «слабая» позиция человека, пришедшего за помощью, его изначальное доверие терапевту и приня-

тие с его стороны таких «правил игры», возможность влияния авторитетных «мнений» терапевта и неравенство позиций.

Снижением бессознательных неконтролируемых влияний любых «теньевых» процессов, безусловно, является тот факт, что аналитик или психотерапевт проходит собственный длительный анализ или психотерапию, в разных школах по-разному определяемых в количественном отношении, предполагаемом, однако, достаточным для начала практики. Профессиональная сертификация подразумевает также непрерывное профессиональное теоретическое развитие, продолжение психотерапевтом работы над собой, включая индивидуальную и супервизорскую/интервизорскую работу. Однако вопросы «качественной» оценки продолжают оставаться актуальными. Львиную долю образования психотерапевта составляет личная учебная психотерапия. А ее качество предполагает даже не столько количество лет и часов, потраченных на дидактический (учебный) анализ, и профессиональные и личные качества и характеристики аналитика (психотерапевта), его проводившего, хотя вопрос не праздный, сколько глубокое понимание оснований конкретного психотерапевтического направления, его преимуществ, недостатков, рамок и ограничений и в то же время способность быть гибким и творческим.

Что же «объективно» в каждой школе будет считаться условной завершенностью собственной психотерапии или анализа, например?

Общим для всех школ основанием для начала собственной практики

являются: наличие «достаточно высокого уровня осознанности», удовлетворительной проработанности личных проблем, психическая стабильность и высокая способность психики к восстановлению, серьезные и глубокие теоретические знания, владение методом, опыт работы, открытость новому. Эти характеристики по-разному определяются в разных направлениях психотерапии и к тому же могут разительно отличаться в субъективных оценках кандидата разными тренирующими его психотерапевтами. Немаловажно определить как объективные критерии, так и субъективные ключевые характеристики «достаточной проработанности» будущего терапевта, а также каким образом они могут быть оценены. Можно ли найти общие основания профессионализма для всех, принадлежащих этой области деятельности или, лучше сказать, искусства? Каким образом могут учитываться глубина пресловутой осознанности и, например, охват ею индивидуального, семейного и коллективного/архетипического пластов? Где и в каком отношении к этим «безличным» критериям будет находиться личность кандидата с его характерологическими особенностями и человеческими качествами?

Вопросы острые и существенные.

Признавая общим местом сознание того факта, что объективная и окончательная осведомленность о собственной личности фактически недостижима, значение начинают приобретать договоренности об «объективных» критериях достаточности «образования» и характери-

стики самих школ и направлений, а также личностные качества учителей, в особенности психотерапевтов, проводящих дидактическую или, иначе, учебную личную психотерапию, и основных супервизоров, под руководством которых несколько лет работает начинающий психотерапевт.

Вероятно, именно в этом месте могут вставать вопросы об общечеловеческих ценностях, убеждениях, установках, позициях, степени личностности и человечности тренера, а также и о его «теневых» сторонах, его личных и профессиональных ограничениях, ибо именно это подспудно или явно окажет влияние на инициируемых.

Все эти вопросы и соображения никогда не выносятся на открытые обсуждения, и уж тем более не существует эмпирических данных и исследований возможных эффектов личностных влияний, хотя порой мимоходом в разговорах за спиной подмечаются характерные «профили и стили» студентов и анализандов (студентов, проходящих учебный анализ/психотерапию), обучающихся у конкретных преподавателей, супервизоров, аналитиков или психотерапевтов. И в сказанных вскользь словах («клоны», «инкубаторный выводок», «колобки», «амебы», «мастер-класс!», «индивидуалы», «победители», «зайки») может быть дана скрытая, но хлесткая оценка скрытой установке личности тренера, его силе и его ограничениям, его человеческого влияния, и, возможно в меньшей степени, профессионализма. Хотя внутри аналитического поля это очень трудное разделение.

Литература

Гуггенбуоль-Крейг А. Власть архетипа в психотерапии и медицине. СПб.: Б.С.К., 1997.

Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальная система психологии // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 44–53.

Стайн М. Принцип индивидуации: О развитии человеческого сознания. М.: Когито-Центр, 2009.

Стайн М. Юнговская карта души: Введение в аналитическую психологию. М.: Когито-Центр, 2010.

Шварц-Салант Н. Черная ночная рубашка. Комплекс слияния и непрожитая жизнь. М.: Институт консультирования и системных решений, 2008.

Rizzolatti G., Fadiga L., Gallese V., Fogassi L. Premotor cortex and the recognition of motor actions // *Cognitive Brain Research*. 1996. 3. 2. 131–141.